

УДК 393.05
EDN LDULFA

Научная статья

КУЛЬТ СВЯТЫХ У ТАТАР РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ: СОДЕРЖАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

Р. Р. Агишев

Научный центр социально-экономического мониторинга,
г. Саранск, Россия
agichev2019@gmail.com

Аннотация

Введение. Вопросы содержания и трансформации культа мусульманских святых в условиях полиэтнического региона представляют собой значимую научную проблему, способную более полно осветить характер развития исламских практик вдали от традиционных центров распространения ислама.

Материалы и методы. Использовались результаты полевых исследований: полужурнализованного интервью (2019 г., $n = 47$), глубинного интервью (2019 — 2020 гг., $n = 23$), включенного наблюдения (2019 — 2021 гг.). Под термином «мусульманские святые» нами понимаются сакрализованные в народной памяти фигуры реально существовавших жителей региона — *авлия*, которые отличались особой набожностью, праведностью, сверхъестественными духовными или физическими способностями и ассоциировались у местных жителей с исламом.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье предпринимается попытка реконструировать образ святых у татар Республики Мордовия и сложившийся вокруг них особый ритуал почитания. Критерием сакрализации выступали праведная жизнь и подвижническое служение на благо местному сообществу верующих. Вследствие антирелигиозной борьбы советского государства в течение XX в. и процессов исламского возрождения конца 80-х гг. — начала 90-х гг. XX в. бытование культа мусульманских святых в регионе практически прекратилось. Сегодня фиксируется неоднозначное, чаще негативное, отношение к авлия со стороны мусульманского духовенства республики, как правило, отрицающих наличие подобных фигур в истории региона.

Заключение. Сделан вывод о том, что культ мусульманских святых у татар региона носил преимущественно локальный (сельский) характер и не распространялся за пределы местного сообщества, а святые выступали в качестве покровителей села. Персоны мусульманских праведников у местных татар остаются малоизученной проблемой, способной осветить малоизученные периоды развития «народного» ислама в Республике Мордовия.

Ключевые слова: авлия, мусульманские святые, культ, ислам, синкретизм, суфизм, татары

Для цитирования: Агишев Р. Р. Культ святых у татар Республики Мордовия: содержание и трансформация // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 1 (65). С. 201 — 211. EDN LDULFA

Original article

THE CULT OF SAINTS AMONG THE TATARS OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA: CONTENT AND TRANSFORMATION

R. R. Agishev

Scientific Center of Social and Economic Monitoring

Saransk, Russia

agichev2019@gmail.com

Abstract

Introduction. The issues of transformation of the cult of Muslim saints in a multi-ethnic region are a significant scientific problem, the solution of which makes it possible to shed light on the development of Islamic practices far from the traditional centers of the spread of Islam.

Materials and methods. The results of field studies were used: semi-formalized interview (2019, n = 47), in-depth interview (2019 — 2020, n = 23), participant observation (2019 — 2021). The term “Muslim saints” in this study refers to the actually existing inhabitants of the region sacralized in the people’s memory — *avliya*, who were distinguished by a special degree of piety, righteousness, supernatural spiritual or physical abilities, and were associated with Islam by local residents.

Results and discussion. This article attempts to reconstruct the image of the saints among the Tatars of the Republic of Mordovia and the special ritual of veneration that has developed around them. The criterion of sacralization was a righteous life and ascetic service for the benefit of the local community of believers. Due to the anti-religious struggle of the Soviet state during the 20th century and the processes of the Islamic revival of the late 80s — early 90s of the 20th century, the existence of the cult of Muslim saints in the region practically ceased. At present, an ambiguous, often negative, attitude towards *avliya* is recorded on the part of the Muslim clergy of the Republic, who, as a rule, deny the existence of such figures in the history of the region.

Conclusion. It is concluded that the cult of Muslim saints among the Tatars of the region was predominantly local (rural) in nature and did not spread beyond the local community, and the saints acted as patrons of the village. The life of Muslim righteous among the local Tatars remains a little-studied problem that can highlight the features of the development of “folk” Islam in the Republic of Mordovia.

Keywords: *avliya*, Muslim saints, cult, Islam, syncretism, Sufism, Tatars

For citation: Agishev RR. The cult of Saints among the Tatars of the Republic of Mordovia: content and transformation. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(1):201—211. EDN LDULFA

Введение

Мусульманский культ святых у татар России — особый историко-культурный конструкт, истоки которого берут начало в «географическом ареале Дешт-и-Кипчак и возникших на его территории государствах, включая Золотую Орду» [7, с. 58]. Особенности бытования указанной обрядовой практики в границах мокшанско-сурского региона представляют собой малоизученную в региональном контексте проблему, обращение к которой актуализируется и рядом других обстоятельств. В частности, в российском «мусульманском сообществе активно ведется дискуссия о природе так называемого „народного“ ислама» [23, с. 130], частью которой выступает и вопрос о «каноничности» культа мусульманских святых. В реалиях Республики Мордовия, где часть мусульманской уммы отвергает отдельные ставшие традиционными обряды и ритуалы, поднимаемые в статье вопросы приобретают особое значение.

Обзор литературы

Начало целенаправленного изучения татар, в том числе особенностей их духовной культуры, относится к XIX в. и связано с именами Н. Глебова, Н. Прозина, В. Э. Красовского, В. К. Магницкого, Г. Ахмарова, освещавших вопросы их расселения, быта, хозяйственной деятельности и языка. В начале XX в. появляются работы Н. Ф. Катанова, Я. Д. Коблова, А. С. Сухарева, А. Т. Соловьева о религиозных обрядах преимущественно казанских татар.

Советский период положил начало новому этапу в деле изучения татар, в частности их верований. В научный оборот был введен значительный объем архивных материалов, результатов масштабных этнографических экспедиций. Культ мусульманских святых становится объектом научного интереса в контексте изучения бытования ислама в национальных регионах с компактным проживанием мусульман. Исследователи отмечают, что почитание святых заимствовано исламом из религиозной традиции ранее существовавших языческих культов [17, с. 62] и является «уступкой политеизму» [26, с. 266].

Вопросы регионализации ислама на территории Поволжья освещались в работах А. П. Смирнова, П. И. Воробьева и Р. Г. Мухамедовой. Активно продвигалась гипотеза о синкретичности верований татар в конце XIX в. — первой половине XX в. как результате влияния доисламских культов и религиозных систем соседних народов (русских, мордвы, марийцев, чувашей). Почитание могил святых в указанном контексте связывалось с языческими представлениями и было облечено в мусульманскую оболочку [19, с. 185], т. е. лишь внешне соответствовало канонам ислама.

Региональные особенности практикования ислама в Поволжье в XXI в., в частности в Республике Татарстан, Ульяновской области и Сибири рассматривались А. К. Идиатулловым, Л. Д. Гаязовым, В. М. Якуповым, Р. М. Мухаметшиным и др. Отмечалось, что поклонение могилам святых «в современных условиях становится атрибутом не только религиозного содержания, но и этнотерриториальной идентификации» [15, с. 93]. Распространение культа мусульманских святых на территории Среднего Поволжья связывается с проникновением в данный регион суфийской идеологии, специфические мистические практики которой позволяли татарам сохранять отдельные элементы древних верований в новой, по существу синкретичной, форме [16, с. 78].

Религиозные традиции и обряды татар, в том числе Республики Мордовия, нашли отражение в коллективных монографиях — «Татары» (2001), «Обряды и праздники татар Поволжья и Урала: (Годовой цикл XIX — начала XX вв.)» (2001), «Семейные и календарные обычаи и обряды татар» (2012), «Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование» (2012), «Мордовия многонациональная» (2016) и диссертационных исследованиях — М. М. Акашкина «Свадебные обряды, песни татар-мишарей и мордвы: сравнительный анализ», Аббас Али Хасона «Семейная обрядность татар-мишарей Мордовского края», Н. Н. Щанкиной «Культура питания татар-мишарей», Л. Н. Щанкиной «Этнокультурные традиции татар-мишарей в системе их жизнеобеспечения» и др.

Непосредственно вопросами почитания «святых» могил татарами Мордовии занимаются Р. Р. Агишев и М. Ю. Бареев. Исследователи отмечают, что могилы

святых, имевшие в первой половине XX в. в Республике Мордовия черты поликомпонетных социально-религиозных памятников, в конце XX в. утрачивают сакральные черты и признанный статус [4, с. 313].

Из зарубежных научных исследований, посвященных рассматриваемой проблематике, следует выделить монографию Э. Марони «Религиозный синкретизм», в рамках которой анализируются исторические типы синкретизации: культ святых в исламе, культ Богоматери, ритуалы практической Кабаллы и т. д. Автор указывает на синкретичность содержания культа «святых» могил, в котором в зависимости от географии отмечаются зороастрийские, индуистские, еврейские, христианские и шаманские черты и конструкты [28, с. 73].

Оценивая степень изученности проблемы, заметим, что в фокусе внимания республиканских исследователей обрядности татар находится, как правило, их этническая специфика. В то же время вопросы регионализации ислама в республике и его синкретические трансформации, в частности бытование и трансформация культа мусульманских святых, изучены в меньшей степени.

Материалы и методы

В статье освещаются результаты нескольких исследований: опрос «Мусульманские традиции и обряды татар региона» (метод полуструктурированного интервью, 2019 г., $n = 47$), опрос «Похоронно-поминальная обрядность татар Республики Мордовия» (метод глубинного интервью, 2019 — 2020 гг., $n = 23$), включенное наблюдение (участие в обрядах, 2019 — 2021 гг.). Наряду с проблемами религиозности, каноничности отправляемых обрядов и религиозно-этнических ритуалов изучались особенности бытования культа мусульманских святых в селах региона с компактным проживанием татар. Исследовательским интересом охватывались следующие задачи: выявление и описание фигур мусульманской агиологии регионального значения, анализ содержания и трансформации ритуалов поклонения святым (или «святым» местам) у татар Республики Мордовия, определение отношения мусульманского духовенства к культу мусульманских святых.

Под используемым в исследовании термином «мусульманские святые» (*авлия*) понимаются сакрализованные в народной памяти фигуры реально существовавших жителей региона, отличавшихся особой степенью набожности, праведности, необычными сверхъестественными духовными или физическими способностями [25, с. 19], и стойко ассоциировавшихся у местных жителей с исламом. В мусульманской умме в отношении каноничности культа святых и дозволенности его практикования высказывается широкий спектр мнений: от категоричного неприятия [22, с. 109] и до оправдания [17, с. 64].

Результаты исследования и их обсуждение

Идентификация мусульманских святых регионального значения. Отсутствуют прямые свидетельства о существовании на территории мокшанско-сурского региона в XIX — XX вв. объектов мусульманской агиологии межрегионального значения — мест поклонения, служивших центром притяжения для мусульман из других регионов. Не сохранилось упоминаний о знаковых фигурах мусульманских праведников и в республиканских архивах, в частности в документах районных Советов депутатов и исполкомов по вопросам религиозных культов, отчетах Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по

Мордовской АССР. Учитывая пристальное внимание советских органов власти к любым проявлениям религиозной активности, сомнительным представляется игнорирование наличия на территории татарских сел популярных культовых объектов — мест захоронения мусульманских святых. В связи с этим представляется возможным говорить о существовании в конце XIX — первой половине XX в. на территории мордовского края захоронений мусульманских святых местного значения, не являющихся сакральными для большей части татарского сообщества республики.

В ходе полевых исследований, проведенных в 2019 — 2020 гг., была собрана информация только о двух фигурах мусульманской агиологии, которые в народной памяти полностью удовлетворяли всем необходимым признакам авлия — исключительная праведность, особая богобоязненность, обладание необычными физическими и духовными способностями, проявление «чудес» в местах захоронений. Это жители с. Латышовка Кадошкинского района Сяйфулла-мулла и с. Хаджи Ромодановского района У. А. Халиков. Сведения об иных жителях региона, в той или иной степени удовлетворявших статусу святого, были скудными, носили разрозненный и противоречивый характер (сохранились отдельные прозвища, некоторые детали из жизни). В то же время указанная информация в определенной степени дополняла образ Сяйфуллы-муллы и У. А. Халикова в качестве авлия и позволила сформулировать типичные черты святого у татар республики.

Происхождение культа мусульманских святых. Появление культа святых у татар Поволжья в отечественной историографии традиционно связывается с влиянием суфийской духовной традиции, позволившей исламизировать и сохранить древние ритуалы почитания предков и рода [16, с. 78]. Именно суфийские проповедники и миссионеры, проникавшие в Волго-Уральский регион начиная с XII в., «брали на себя миссию идеологов многовекового процесса исламизации местного населения, затем становясь основными носителями и толкователями мусульманских законов и обрядов для населения этих регионов» [20, с. 39].

Письменные источники и устная народная традиция не сохранили имена бродячих суфийских проповедников (незарегистрированных мул) и значимых суфиев, оставивших заметный след в религиозной жизни мордовского края. В то же время близость к поволжскому центру распространения суфизма (территория современного Татарстана) [9, с. 108] и сохранившиеся среднеазиатские обрядовые реликты в ритуалах татар [2] позволяют говорить о том, что суфизм оказал достаточно сильное влияние на развитие ислама в регионе. Практика паломничества к могилам праведников как часть суфийской традиции стала для татар «способом реализации своих духовных потребностей путем совершения действий, имитирующих хадж» [10, с. 357].

Култ мусульманских святых, как правило, рассматривается как синтез трех элементов: святой как объект мусульманской агиологии, могила святого (святилище) и ритуал поклонения [21, с. 140]. Остановимся подробнее на содержании каждого из элементов на примере Сяйфуллы-муллы и У. А. Халикова.

Святой как объект мусульманской агиологии. Результаты полевого исследования позволяют выделить несколько критериев, при удовлетворении которых в народной памяти происходит сакрализация фигуры святого:

— буквальное следование предписаниям исламского религиозно-гражданского закона (*шариата*), т. е. тщательное исполнение внешних религиозных действий [13, с. 391]. Применительно к обоим авлия респонденты отмечали, что те совершали намаз пять раз в день, подавали обязательную милостыню, соблюдали строгий пост в священный месяц Рамадан, обладали глубокими знаниями обрядовой стороны ислама. У. А. Халиков к тому же совершил хадж, за что получил уважительное прозвище «Хаджи»;

— праведность жизни как сочетание высокоморальных человеческих качеств с абсолютной покорностью Богу. Оба авлия среди местных жителей считались образцом честности, порядочности, законопослушания, трудолюбия. Отмечалось их отвращение к сквернословью, любым излишествам;

— нестяжательство. Подчеркивалось отрицание обоими авлия накопительства, хотя они имели возможность получать достаточно высокий доход, проводя религиозные обряды (чтение намазов, совершение никаха и обрезания, проведение погребальных процедур). Авлия вели аскетичный облик жизни, были крайне непривередливы в пище, одежде;

— мистические духовные и физические способности. Факт практикования «чудес» выступает для местных жителей одним из наиболее ярких и понятных оснований для сакрализации человека. Сяйфулла-мулла, по свидетельству современников, обладал особой прозорливостью и даром «видеть будущее». К нему за советом приезжали жители окрестных деревень и сел, деятели культуры и искусства и представители советских и партийных органов. У. А. Халикову приписываются целительные способности и умение общаться с животными и насекомыми (пчелы садились на него и не жалили, дикие и домашние животные ластились к нему). Отмечается, что пища, к которой он прикасался, оставалась нетленной много дней подряд.

Следует заметить, что фигуры мусульманских святых Поволжья (прежде всего, Татарстана), в том числе Республики Мордовия, отличаются от таковых в других регионах страны. В частности, мусульманские святые Кавказа связаны со священными войнами за обращение местных народов в ислам; святые Западной Сибири чаще являются древними миссионерами-проповедниками, принявшими мученическую смерть от язычников; святые Астраханской области, как правило, почитаются за праведную жизнь и служение людям — целительство и др. [8, с. 44].

Могила святого. Могила Сяйфуллы-муллы в 50 — 70-е гг. XX в. имела черты сложного, поликомпонентного социально-религиозного памятника (*астана*): вокруг могилы располагались погребения 12 других религиозных деятелей и праведных мусульман, сформировался ритуал поклонения, имелись специальные смотрители за могилами [4, с. 312]. Могила У. А. Халикова, напротив, практически ничем не отличалась от погребений односельчан: изгородь из дерева, простой камень в изголовье.

Разительное отличие могил друг от друга может быть связано с местом погребения и местными условиями. По словам односельчан, Сяйфулла-мулла был похоронен в той части старого кладбища, где традиционно хоронили сельских мулл и местных подвижников. Последние большей частью были родственниками Сяйфуллы-муллы (отец, дедушка, прадедушка, тетя), что позволяет говорить о династии

религиозных деятелей. В то же время У. А. Халиков был похоронен на новом кладбище им же основанного села, которое и было названо в его честь, — с. Хаджи. Соответственно здесь отсутствовали погребения его предков.

Ритуал поклонения. Сложившийся ритуал поклонения обеим могилам святых был, в целом, единообразен и предусматривал следующие элементы:

— побудительный мотив для совершения паломничества к могиле. В большинстве случаев паломники просили одного и того же: здоровья или исцеления себе и близким, разрешения сложной жизненной ситуации. В частности, студенты и школьники просили удачи при сдаче контрольных испытаний, молодожены — счастья в браке, бездетные — детей. Следует заметить, что просьбы обращались не к авлия, а к Аллаху. Считалось, что молитва у могилы святого точно будет услышана Богом;

— правила посещения, представлявшие собой, как правило, систему запретов. На могиле запрещалось сквернословить, высказывать дурные помыслы, громко говорить, быть неопрятным, брать и уносить с собой что-то с нее (цветы, ягоды, валежник) [7, с. 62]. Респонденты отмечали, что на могилу Сейфуллы-муллы приносились ленточки из ткани и повязывались на ограду;

— молитва. Все просьбы в обязательном порядке сопровождалась традиционной молитвой, которой часто выступала сура «аль-Ихлас». Отсутствовали какие-то специальные молитвы, связанные с конкретной просьбой, например молитва для здоровья, для удачи в делах, для семейного благополучия;

— уход за могилой. За могилой святого ухаживали, как правило, особые люди — смотрители, которые в суфийской традиции выступали одним из важнейших компонентов религиозной культуры поминания авлия [24, с. 165]. Смотрителями в обоих случаях были родственники, о которых практически не сохранилось никаких сведений.

Трансформация культа мусульманских святых в Республике Мордовия. В досоветский период в татарских селах широко практиковалось посещение древних кладбищ, где, по преданиям, были похоронены авлия. Здесь верующие просили у могил местных святых (обычно это были предки сельчан, основатели поселений) покровительства в делах, исцеления от болезней, избавления от бесплодия [18, с. 185], ниспослания дождя [27, с. 62] и т. д. В советское время в связи с массовым закрытием мечетей именно кладбища становятся «границей сакральных пространств» [1, с. 328], в границах которых осуществляются активные религиозные действия — ритуалы похоронно-поминального цикла, коллективные моления, намазы. Заметим, что превращение татарских кладбищ в места проведения религиозных обрядов, в частности коллективных окказиональных ритуалов, зафиксировано и в соседних регионах [11, с. 16].

Со второй половины XX в. происходит постепенное угасание интереса к фигурам авлия (реже проводятся коллективные моления на кладбищах, уходит в прошлое массовость паломников, стираются из памяти образы праведников), что обусловлено разными для каждого хронологического периода причинами:

— проводимая активная антирелигиозная борьба — от закрытия церквей и мечетей до открытых репрессий верующих. В 1946 г. в регионе из 104 действовавших мечетей остались 2 (в с. Пензятка и Алтары) [5, с. 283]. Запрещались групповые

моления верующих граждан, преследовались муллы. К середине 70-х гг. XX в. в регионе удалось значительно снизить активность религиозной жизни мусульман: ни в одном из татарских сел не проводились организованные религиозные шествия, крупные молитвенные собрания проходили лишь два раза в год в дни Курбан-байрама и Ураза-байрама, сократилась численность посещающих кладбища в дни праздников, пост соблюдался преимущественно людьми преклонного возраста, практически не отмечались случаи невыхода на работу или пропуска учебы в дни мусульманских праздников [14, с. 147]. Почти полностью удалось прервать преемственность религиозного знания в республике (уже в 1954 г. в татарских селах, кроме с. Алтары, не было мулл с религиозным образованием) [18, с. 126].

— сложные и противоречивые процессы исламского возрождения: рост религиозного самосознания простых граждан, повышение интереса к религии, этнизация духовной жизни мусульман, организационное строительство уммы [6, с. 75] и др. В регионе в 90-е гг. XX в. указанные процессы приобрели особенную остроту, вылившись в дискуссию об обрядовой стороне ислама и каноничности отдельных обрядов, в соперничество муфтиятов за влияние в умме [12, с. 283];

— отсутствие в регионе мусульманских святых общереспубликанского значения, сакральность которых разделяло бы значительное число татар и которые могли бы, по примеру других регионов (Астраханская область, Башкирия, Татарстан), стать общенациональными объединительными символами.

Заключение

Культ мусульманских святых у татар Республики Мордовия представлял собой ритуал почитания фигур локальной (прежде всего, сельской) агиологии, сакрализованных местными жителями в качестве авлия, особо приближенных к Богу праведников-мусульман. Особенности регионального культа святых у татар выступали следующие моменты:

— критерием сакрализации являлись не подвиги в религиозной войне (как правило, у кавказских народов) и не мученическая смерть во время распространения ислама среди языческих народов (например, в Западной Сибири), а праведная жизнь и подвижничество служение на благо местному сообществу верующих;

— отсутствие почитаемых всей уммой мусульманских святых (или памятных мест, связанных с таковыми). Сельские святые, прежде всего значимые для локальной территории фигуры, выступали не только как посредники между Богом и сельчанами, но и как покровители всего поселения;

— в течение XX в. вследствие антирелигиозной борьбы советского государства и процессов исламского возрождения конца 80-х гг. — начала 90-х гг. XX в. бытование культа мусульманских святых в регионе практически прекратилось. В настоящее время его следы отмечаются в почитании татарами древних кладбищ.

Фигуры мусульманских праведников у татар на территории региона, и складывание вокруг них ритуалов поклонения остаются малоизученной региональной научной проблемой, в результате решения которой можно будет объяснить сложные и противоречивые вопросы развития «народного» ислама в Республике Мордовия. К сожалению, источниковедческая база проблематики с каждым годом все сильнее сужается до небольшого круга архивных документов официальных органов власти, не способных отразить специфику бытования исламских обычаев и обрядов у татар.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абьянов Р. В., Сафаров М. А. «Татарская вера». Образ ислама у русского населения Рязанской области // *Minbar. Islamic Studies*. 2021. Vol. 14, № 2. С. 310 — 334.
2. Агишев Р. Р. «Народный» ислам в Республике Мордовия: отдельные аспекты религиозного и культурного синкретизма // *Исламоведение*. 2019. Т. 10, № 4. С. 101 — 108.
3. Агишев Р. Р., Баринаова О. Н., Манаева И. В. Похоронно-поминальная обрядность татар-мишарей Республики Мордовия // *Исламоведение*. 2021. Т. 12, № 1 (47). С. 83 — 94.
4. Бареев М. Ю., Агишев Р. Р. Региональные особенности некоторых традиций и обычаев в современном исламе // *Регионология*. 2020. Т. 28, № 2. С. 303 — 321.
5. Белкин А. И. «Рост религиозного движения здесь... имеется» (мусульмане Мордовии в первое послевоенное десятилетие) // *Эхо веков*. 2009. № 1. С. 283 — 287.
6. Бутаева А. М. Исламское возрождение в России // *Вестник Дагестанского научного центра*. 2010. № 36. С. 73 — 81.
7. Габдрахманова Г. Ф., Уразманова Р. К. Мусульманский культ святых у татар волго-уральского региона: особенности формирования и трансформации // *Этнографическое обозрение*. 2018. № 2. С. 58 — 75.
8. Гуров М. Б. Агиальный сакральный ландшафт как особый тип сакрального ландшафта // *Вестник МГУКИ*. 2020. № 4 (96). С. 35 — 51.
9. Гусева Ю. Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение. М.: Медина, 2013. 217 с.
10. Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья): моногр. Самара: Офорт, 2013. 415 с.
11. Давлетшина Л. Х. Моления о дожде в традиции казанских татар // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 12 — 1 (78). С. 16 — 18.
12. Девятаев А. С. Исламский фактор в Республике Мордовия: социокультурный и этнополитический аспекты развития // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2010. Т. 12, № 2. С. 282 — 284.
13. Евдокимов И. В. Интерпретация святости как праведности в исламе // *Труды Нижегородской духовной семинарии*. 2020. № 18. С. 387 — 394.
14. Занкина А. Н. Влияние комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах на татарскую умму Лямбирского района Мордовской АССР // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2014. Т. 16, № 3. С. 146 — 150.
15. Идиатуллин А. К. «Священные» объекты татар и башкир Среднего Поволжья и Приуралья // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. № 52. С. 89 — 94.
16. Исхаков Р. Р. Культ мусульманских святых в религиозно-обрядовой традиции татар-кряшен Волго-Уралья (XIX — начало XX в.) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 12, ч. 3. С. 78 — 81.
17. Литвинов В. П. Реликты языческих верований в исламском «культе святых» // *Исламоведение*. 2019. Т. 10, № 3 (41). С. 61 — 70.
18. Миннуллин И. Р. Исламское возрождение в татарской деревне Мордовии в советский и постсоветский периоды // *Историческая этнология*. 2016. Т. 1, № 1. С. 116 — 145.
19. Мухамедова Р. Г. Татары-мишари: ист.-этногр. исслед.: моногр. М.: Наука, 1972. 248 с.
20. Насыров И. Р. К вопросу о сущности исламского мистицизма (суфизма) // *Религиоведение*. 2007. № 4. С. 37 — 44.
21. Панков И. А. Культ святых в исламе: социальное пространство мазара // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2018. № 9 (42). С. 139 — 154.
22. Раджабов Р. А. Основные конфессиональные противоречия между суфизмом и ваххабизмом // *Исламоведение*. 2009. № 2. С. 107 — 115.
23. Сапронова М. А., Чечевишников А. Л., Ярлыкапов А. А. Становящееся научное сообщество. Сводный портрет исследователей российского ислама // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 2. С. 122 — 136.

24. Селезнев А. Г. Ислам в Сибири: некоторые направления антропологического изучения // Этнография. 2018. № 2. С. 160 — 187.
25. Сефербеков Р. И., Сефербеков М. Р. Культ святых в исламе у табасаранцев: традиции и современность // Исламоведение. 2017. Т. 8, № 4 (34). С. 17 — 31.
26. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 336 с.
27. Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX — начало XX в.). Казань: Дом печати, 2001. 197 с.
28. Maroney E. Religious Syncretism. New York: SCM Press, 2006. 222 p.

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 25.11.2022; принята к публикации 01.12.2022.

Информация об авторе:

Руслан Ряфатович Агишев, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга правовых процессов Научного центра социально-экономического мониторинга (430005 Россия, г. Саранск, ул. Богдана Хмельницкого, 39А), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0179-8336>, agishev2019@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Abyanov RV, Safarov MA. "Tatar Faith". The Image of Islam among the Russian Population of the Ryazan Region. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(2):310—334. (In Russ.)
2. Agishev RR. "Popular" Islam in the Republic of Mordovia: Some Aspects of Religious and Cultural Syncretism. *Islamovedenie*. 2019;10(4):101—108. (In Russ.)
3. Agishev RR, Barinova ON, Manaeva IV. Funeral and Memorial Rites of the Tatar Bearers of the Republic of Mordovia. *Islamovedenie*. 2021;12(1):83—94. (In Russ.)
4. Bareev MYu, Agishev RR. Regional Peculiarities of Some Traditions and Customs in Modern Islam. *Regionology*. 2020;28(2):303—321. (In Russ.)
5. Belkin AI. The Growth of the Religious Movement is here... There is (Muslims of Mordovia in the First Post-War Decade). *The Echo of Centuries*. 2009;(1):283—287. (In Russ.)
6. Butaeva AM. Islamic Revival In Russia. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. 2010;(36):73—81. (In Russ.)
7. Gabdrahmanova GF, Urazmanova RK. The Muslim Cult of Saints among the Tatars of the Volga-Ural Region: Features of Formation and Transformation. *Ethnographic Review*. 2018;(2):58—75. (In Russ.)
8. Gurov MB. Agial Sacred Landscape as a Special Type of Sacred Landscape. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2020;(4):35—51. (In Russ.)
9. Guseva YuN. Ishanism as a Sufi Tradition of the Middle Volga in the XX Century: Forms, Meanings, Meaning. Moscow;2013. (In Russ.)
10. Guseva YuN. The Russian Muslim in the XX Century (Based on the Materials of the Middle Volga Region). Samara;2013. (In Russ.)
11. Davletshina LH. Prayers for Rain in the Tradition of Kazan Tatars. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*. 2017;12(1):16—18. (In Russ.)
12. Devyataev AS. The Islamic Factor in the Republic of Mordovia: Socio-Cultural and Ethnopolitical Aspects of Development. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2010;12(2):282—284. (In Russ.)

13. Evdokimov IV. Interpretation of Holiness as Righteousness in Islam. *Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary*. 2020;(18):387—394. (In Russ.)
14. Zankina AN. The Influence of the Commission for the Promotion of Control over the Observance of Legislation on Religious Cults on the Tatar Ummah of the Lyambirsky District. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2014;16(3):146—150. (In Russ.)
15. Idiatullov AK. “Sacred” Objects of Tatars and Bashkirs of the Middle Volga Region and the Urals. *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2018;(52):89—94. (In Russ.)
16. Iskhakov RR. The Cult of Muslim Saints in the Religious and Ceremonial Tradition of the Tatars- the Kryashchens of the Volga-Ural Region (XIX — early XX Century). *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. 2015;12(3):78—81. (In Russ.)
17. Litvinov VP. Relics of Pagan Beliefs in the Islamic «Cult of Saints». *Islamovedenie*. 2019;10(3): 61—70. (In Russ.)
18. Minnullin IR. Islamic Revival in the Tatar Village of Mordovia in the Soviet and Post-Soviet Periods. *Historical Ethnology*. 2016;1(1):116—145. (In Russ.)
19. Muhamedova RG. Tatars-Mishars. Monograph. Moskow;1972. (In Russ.)
20. Nasyrov IR. On the Question of the Essence of Islamic Mysticism (Sufism). *Religious Studies*. 2007;(4):37—44. (In Russ.)
21. Pankov IA. The Cult of Saints in Islam: the Social Space of Mazar. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. The Series “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies”*. 2018;(9):139—154. (In Russ.)
22. Radzhabov RA. The Main Confessional Contradictions between Sufism and Wahhabism. *Islamovedenie*. 2009;(2):107—115. (In Russ.)
23. Sapronova MA, Chechevishnikov AL, Yarlykapov AA. The Emerging Scientific Community. Summary Portrait of Researchers of Russian Islam. *Polic. Political Studies*. 2020;(2):122—136. (In Russ.)
24. Seleznev AG. Islam in Siberia: Some Directions of Anthropological study. *Ethnography*. 2018;(2):160—187. (In Russ.)
25. Seferbekov RI, Seferbekov MR. The Cult of Saints in Islam among Tabasarans: Traditions and Modernity. *Islamovedenie*. 2017;8(4):17—31. (In Russ.)
26. Snesarev GP. Relics of Pre-Muslim Beliefs and Rituals among the Uzbeks of Khorezm. Moskow;1969. (In Russ.)
27. Urazmanova RK. Rituals and Holidays of the Tatars of the Volga Region and the Urals (Annual Cycle. XIX — early XX century.). Kazan;2001. (In Russ.)
28. Maroney E. Religious Syncretism. New York;2006.

The article was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 25.11.2022; accepted for publication 01.12.2022.

Information about the author:

Ruslan R. Agishev, leading Researcher of the Department of Monitoring Legal Processes of the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring (39A Bogdan Khmel'nitsky Str., Saransk 430005, Russia), candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0179-8336>, agishev2019@gmail.com

Conflict of interest: the author declare no conflict of interest.

The author read and approved the final version of the manuscript.